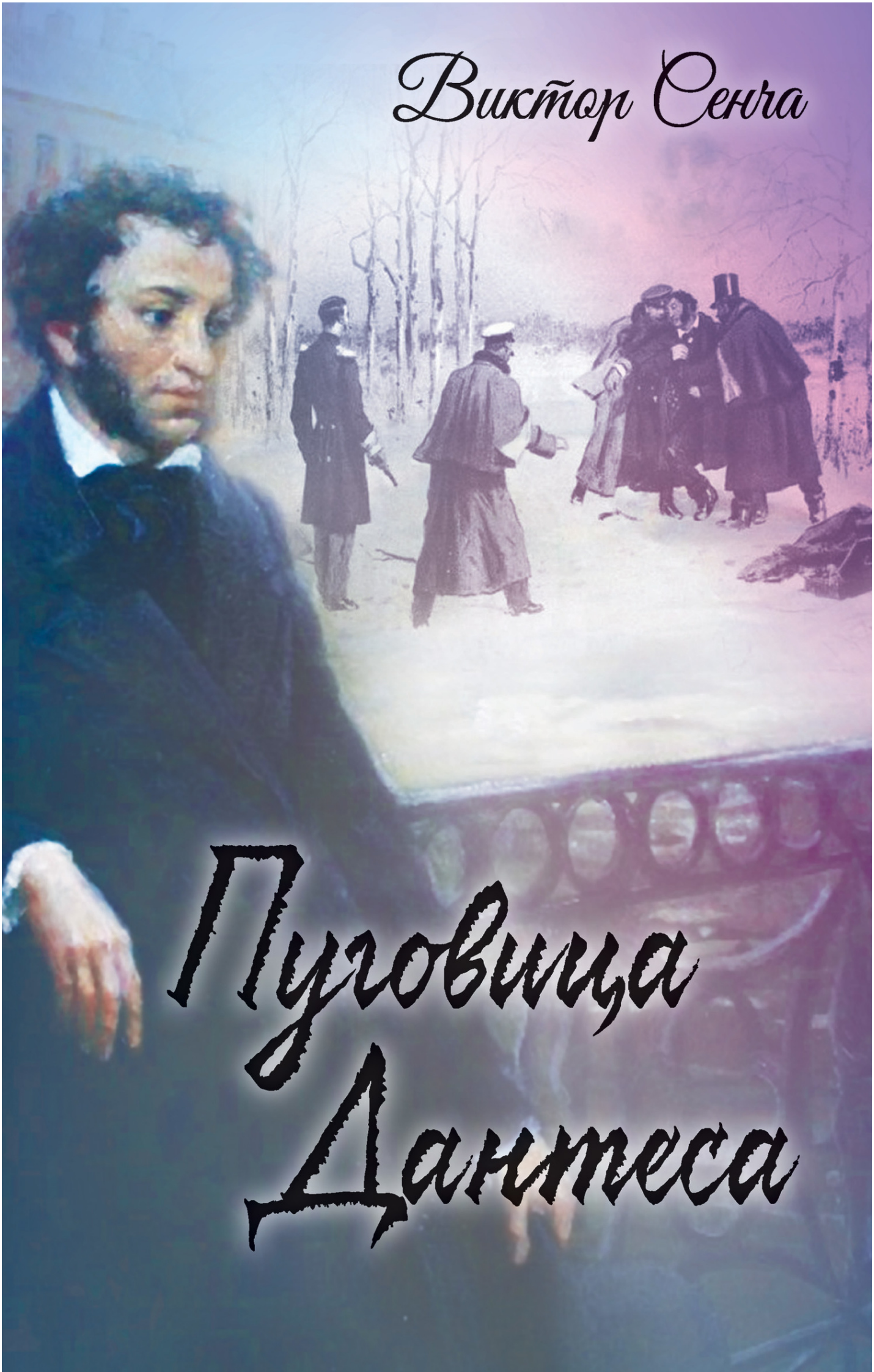
Виктор Сенча
Пуговица Дантеса

Виктор Сенча

Пуговица Дантеса

«Алисторус»

2019

УДК 82.929
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Сенча В. Н.

Пуговица Дантеса / В. Н. Сенча — «Алисторус», 2019

ISBN 978-5-907120-33-4

Виктор Сенча – писатель, публицист; по образованию военный врач-эксперт и юрист. В своей книге «Пуговица Дантеса» исследует причины гибели великого русского поэта. И не только. Со смертью Пушкина его дуэль не закончится – она продолжится в рамках уголовного процесса военного суда, во время заседаний которого убийца будет выгораживать свою испачканную кровью честь. Долгое время так называемое «Подлинное военно-судное дело 1837 года» по факту дуэли Пушкина с Дантесом было засекречено. Что скрывалось за секретными печатями, читателю и предстоит узнать.Сама же пуговица убийцы Дантеса – как предмет – отнюдь не вымысел автора. Она встречается в воспоминаниях свидетелей, став со временем легендарным предметом-загадкой, вокруг которого сломаны тысячи исследовательских копий. И причиной этого стала её тайна, которую автору удалось раскрыть на страницах своей книги. Как и многие другие тайны, связанные с именем гения русской литературы А.С. Пушкина.

УДК 82.929
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-907120-33-4

© Сенча В. Н., 2019
© Алисторус, 2019

Содержание

Вместо предисловия[1] 5
Глава I 9
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Виктор Сенча
Пуговица Дантеса

Вместо предисловия[1]

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить… И глядь – как раз – умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

А. Пушкин

Александр Сергеевич Пушкин… «Наше всё», как сказал однажды о поэте Аполлон Григорьев. Спорить с этим так же бессмысленно, как подвергать сомнению великодержавность России. Даже при написании первых строк абзаца для меня ограничиться одним лишь «Пушкин», признаюсь, выглядело бы неким «святотатством». И это вполне объяснимо. Во-первых, Александр Сергеевич был и остаётся не просто писателем: он — Поэт. Великий. Знаменитый. Любимый. А во-вторых, «наше всё» – это и есть Наше Всё. От Лукоморья, где дуб зелёный, до Онегина с Ленским, а также Пугачёвым.

Александр Пушкин для русского народа и отечественной литературы – нечто большее из всего того многого, оставленного нам предками (вспомним: *«Поэт в России больше, чем поэт»). Пушкин – это* Явление. Огромное и самобытное, почти неестественное, преобразовавшее не только нашу литературу, но и искусство в целом. И когда толкуют о гениальности Байрона, Гейне или, скажем, Уитмена, нам остаётся лишь пожимать плечами – единственное, что может себе позволить самодостаточный человек. Именно в этом, на мой взгляд, и заключается скрытый феномен Пушкина: он сделал нас *самодостаточными.*

Считается, разделять чьё-либо творчество на раннее и позднее, пусть даже условно, не совсем этично. Творчество всегда едино. Другое дело, оно либо талантливо, либо – нет. Когда же речь заходит об исключительной одарённости, в таком случае имеет место только одно: с годами талант, подобно хорошему вину, лишь «загустевает», набирая необходимую зрелость. Начавшись с невинного стишка, творчество литератора порой способно дорасти до заоблачных высот. Если, конечно, успеет.

Как бы ни были гениальны произведения Пушкина-лирика и Пушкина-прозаика, к сожалению, можно лишь констатировать, что в свои тридцать шесть он сделал лишь самую малость из того, что мог бы. Он просто ничего не успел! И десятки пушкинских романов и сотни стихов так и остались ненаписанными… И в этом весь трагизм ранней смерти «гения русской литературы». Именно поэтому тайна гибели Поэта уже почти как два столетия не даёт нам покоя; каждый из нас никак не может смириться с тем, что «Онегина» с нами давно уже нет. Ведь этого, понимаем мы, не может быть – потому что не может быть никогда!

[1] Впервые (в сокращённом варианте) этюд под названием «Роковая дуэль» опубликован в литературном журнале «Москва» за 2017 г., № 2.

Когда же речь заходит о той страшной дуэли на Чёрной речке, нам с невероятной скрупулёзностью хочется разобраться, докопавшись до самой сути, в причинах давней трагедии. Как и почему Его не стало? – вот в чём вопрос. И напоследок (скорее, от отчаяния) не помешало бы указать пальцем – нет, даже не на непосредственного убийцу, – а на кого-то ещё. Например, на докторов, не сумевших спасти «солнце русской поэзии»; или, скажем, на Самодержца, хладнокровно наблюдавшего за травлей Пушкина, закончившейся трагедией.

О чём это я? Да всё о том же – о справедливости. Трудно смириться с непоправимым. Даже спустя почти два столетия. И, уверен, пройдёт ещё столько же (и десяток раз по столько!), а боль утраты от этого всё равно не утихнет. Подозреваю, она станет ещё острее и животрепещущей. Потому-то нас с такой силой тянет к истокам трагедии, разыгравшейся в январе 1837 года на окраине Петербурга. Впрочем, поединок Пушкина с Дантесом уже навсегда воспринимается исключительно в нарицательном значении: роковая дуэль…

* * *

…Всё произошло настолько внезапно, что никак не укладывалось в голове. Всего несколько секунд назад перед его глазами был виден ненавистный силуэт соперника. После сигнала Данзаса они начали сближаться. Один шаг, второй…

Хотелось бежать, а не плестись. Чтоб одним выстрелом быстрее покончить с негодяем. Нет, сегодня не будет «благородных выпадов» в воздух или в близлежащие кусты, коими сопровождались его поединки с Кюхлей или задирой-генералом. То были игрушки, баловство, некое подражание *настоящей дуэли. Теперь другой расклад. Здесь, на Чёрной речке, всё по-настоящему. Либо он, либо – его. В любом случае, скоморошничать никто не собирается. И выстрелов в небо не будет! Сегодня все узнают, как он умеет стрелять. Хотя никто даже не догадывается, куда последует выстрел. Главное – успеть…*

О, эти муравьиные шажки! Они ни на йоту не приближают к подлому сплетнику. Выстрелить – и покончить со всем одним махом! А потом уехать в деревню вместе с Натали и детишками… Он и они. И никого больше. Одни! Тишина, уединение и свобода. Свобода! Что может быть лучше?! Прочь условности, этикет, ставшая навязчивой привычка оглядываться… Он будет спокойно писать – столько, сколько душе угодно. Лишь бы хватило времени. Время – вот что стало настоящим дефицитом. Будто рыба об лёд… Подмётные письма, тревожные переживания и думы… Эти думы буквально сводят с ума. Днём думы, а ночью – кошмары. Постепенно и сама жизнь превратилась в единый кошмар…

Ещё один шаг… Какой-то неловкий, и вновь муравьиный. Где-то рядом, сразу за мушкой длинноствольного кухенрейтора, чернеет контур врага. Промахнуться невозможно – на этот раз он просто не имеет на это права! Промах унизит ещё больше. Сегодня не ваш день, господин Дантес!..

Рядом на опушке воет собака; в стороне вдруг закаркал встревоженный ворон. Не каждый день в зимнюю стужу сюда наведываются люди. Не к добру. Старый ворон знает, чем заканчиваются подобные сходы…

Всё непременно закончится кровью, таковы условия дуэли. Иначе никак. Позор навета должен быть смыт кровью подлого клеветника! Виновник всех бед, он понесёт заслуженное наказание. Поэтому идти навстречу пистолету было не страшно. Хотелось одного – побыстрее выстрелить. Бежать и стрелять. Чтобы всё, наконец-то, закончилось, и все закрыли рты. Окропив снег, кровь врага смоет позор. Ну а теперь – не промахнуться…

Четвёртый шаг давался словно во сне… После пятого оказался у барьера – шинели Данзаса. Не сон ли это в самом деле? Пистолет от мастера Ульбриха – штука серьёзная, бьёт не щадя. Можно стрелять прямо с места. При точном попадании в грудь или голову шансов спастись никаких. Но в том-то и дело, что издалека да при сильном волнении промахнуться

проще простого. Поединок – игра нервов: можно победить и до выстрела… Очень важно показать противнику своё к нему пренебрежение. И только абсолютное спокойствие способно это продемонстрировать. Поэтому он будет хладнокровен, а стрелять начнёт, хорошо прицелившись. Ещё секунда – и всё закончится…

Противный треск спереди совпал с сильным ударом, отозвавшимся резкой болью в правом боку. Удар оказался такой силы, что в глазах закружилось, и всё полетело в тартарары. Когда он через несколько секунд приоткрыл веки, перед ним блестел иссиня-белый снег. Такой холодный и торжественный. Как саван… Под грудью лежала шинель секунданта, холодная и какая-то безжизненная. Где-то далеко противно кричал ворон…

От этого крика он мгновенно пришёл в себя. По-видимому, на какое-то время сознание покинуло тело. Но шум ветра и воронье карканье вернули к действительности, заставив вспомнить о дуэли. В правой руке чернел пистолет. О-пе-ре-дил… Тот, который стрелял в него, опередил. По-видимому, выстрелил уже на четвёртом шаге. Какая досада! Попробовал перевернуться с живота на бок, но тут же, застонав, затих. Нестерпимая боль резанула низ живота, ударила куда-то в ногу. Мутило. Рядом склонился подоспевший Данзас, с испуганным бледным лицом. Нет, дуэль продолжится… Он ещё жив, и есть силы сделать свой выстрел… Приподнялся на локте и еле сдержал стон. Как-то странно онемели ноги. Такое чувство, будто весь в чём-то липком… Кровь?..

Потянул из снега пистолет. За ним выстрел. Отказаться – показать свою слабость и неспособность защититься. Странно, голова теперь работала нормально. В отличие от тела. Ноги… И бок. А ещё это… липкое.

Рядом с лицом Данзаса мелькнуло другое – секунданта Дантеса, господина д'Аршиака. Невдалеке стоял ненавистный Дантес. Он его не видел – только чувствовал. Каждой клеточкой раненого тела. Кто-то предложил прекратить поединок. Это уж слишком!

– Attendez! je me sens assez de force pour tirer mon coup…[2]

Даже несколько слов, сказанных по-французски, для истекавшего кровью тела оказалось достаточно, чтобы едва вновь не потерять сознание. Голова закружилась, склоняясь на грудь. По крайней мере, он своё слово сказал: дуэль продолжится.

Недалеко возился взволнованный Данзас. Пистолет, который Пушкин продолжал сжимать в онемевшей руке, оказался забит снегом. Чувствительный к влаге, заряд мог подвести, поэтому следовало произвести замену. Хотя времени в обрез: лицо раненого, потерявшего много крови, можно сравнить разве что со снегом. Правда, оно не отливало синевой, больше напоминая восковую, неживую маску.

Дантес нехотя возвращался к барьеру. Секундант Данзас занимался пистолетами. Последнее не понравилось г-ну д'Аршиаку, который начал было возражать против замены оружия. Однако Дантес подал тому знак о своём согласии.

Когда рука вновь почувствовала тяжесть пистолетной рукояти, волнение, наконец, улеглось. Он вдруг успокоился. Теперь можно стрелять. Значит – отомстить. В этот момент желание отомстить велико как никогда. Всё остальное не имеет никакого значения. Ни чудовищного ранения, ни страха. Только оно – это непреодолимое желание выстрелить. С трудом упёршись левой рукой в снег, который предательски проваливался, усиливая нестерпимую боль и мешая хорошенько прицелиться. Пистолет поднимался слишком медленно, напоминая пудовую гирю. Этот «ульбрих» был слишком тяжёлым, чтобы можно было прицелиться наверняка.

Что-то мешало – то ли слеза, скатывавшаяся с прицельного глаза, то ли дрожавшая мушка. Слеза не от боли – от холодного ветра, не прекращавшегося все последние дни. Слезящийся глаз долго не может отыскать цели. Цель – силуэт по другую сторону барьера.

---

[2] Дословно: – Подождите! Я чувствую в себе достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел…

Попасть в человека, стоящего к тебе вполоборота на значительном расстоянии, не так-то просто. Ха, да он, этот франт-французишка, испугался! Именно сейчас, когда его противник почти недвижим валяется на снегу. Под прицелом страшно любому – даже самому отважному. Пусть побоится. Прикрывает грудь рукой, ёжится… Грудь ни при чём, ведь пуля уйдёт не туда… А ну-ка, господин Дантес, почувствуй вкус собственной крови!

Выстрел сильно отдал в руку, отозвавшись во всём теле нестерпимой болью. Но это раненого уже ничуть не занимало. Его пристальный взгляд был устремлён в одну точку – к Дантесу. Мгновенно рассеивавшийся пороховой дым открыл отрадную картину: противника не было. Француз повержен; недруг упал, сражённый ответным выстрелом. Его выстрелом!

– Bravo!..

И только теперь его горячая голова коснулась приятного холода синевшего в сумерках снега…

Глава I

«…Обычай поединка является среди цивилизации как символ того, что человек может и должен в известных случаях жертвовать самым дорогим своим благом – жизнью – за вещи, которые с материалистической точки зрения не имеют значения и смысла: за веру, родину и честь. Вот почему обычаем этим нельзя поступаться. Он имеет основание то же, что и война».
В. Спасович, известный царский адвокат

…1836 год для Пушкина не задался с самого начала. 29 марта умерла мать, Надежда Осиповна. Ещё не старая, она давно болела, по причине чего сын почти ежедневно появлялся у родителей, не решаясь ехать в Москву, где ждали неотложные дела, связанные с его новым журналом «Современник». Однако, несмотря на старания врачей, Надежда Осиповна скончалась.

По желанию покойной, Пушкин похоронил матушку в Святогорском Успенском монастыре рядом с её родителями – Осипом Абрамовичем Ганнибалом и Марией Алексеевной. Для поэта смерть матери стала тяжёлой утратой, заставившей задуматься о бренности собственного бытия. В те же дни, внеся в монастырскую кассу определённую сумму, он выбрал место и для себя. Ему нравилось местное кладбище – «ни червей, ни сырости, ни глины»… Боязнь найти последнее упокоение в «полосатом кафтане» на «тесном Петербургском кладбище» преследовала поэта все последние годы. Особенно терзала мысль о «полосатом кафтане», как Пушкин называл мундир камер-юнкера[3].

Князь П.А. Вяземский[4] *(из «Старой записной книжки»):*

«Александр Пушкин был во многих отношениях внимательный и почтительный сын. Он готов был даже на некоторые самопожертвования для родителей своих; но не в его натуре было быть хорошим семьянином: домашний очаг не привлекал и не удерживал его. Он во время разлуки редко писал к родителям, редко и бывал у них, когда живал с ними в одном городе. “Давно ли видел ты отца?” – спросил его однажды NN. “Недавно”. – “Да как ты понимаешь это? Может быть, ты недавно видел его во сне?” Пушкин был очень доволен этою уверткою и, смеясь, сказал, что для успокоения совести усвоит ее себе.

Отец его, Сергей Львович, был также в своем роде нежный отец, но нежность его черствела ввиду выдачи денег. Вообще был он очень скуп и на себя, и на всех домашних. Сын его Лев, за обедом у него, разбил рюмку. Отец вспылил и целый обед проворчал. “Можно ли, – сказал Лев, – так долго сетовать о рюмке, которая стоит 20 копеек?” – “Извините, сударь, – с чувством возразил отец, – не двадцать, а тридцать пять копеек!”» [1]

Как бы то ни было, по возвращении из Михайловского в Петербург писатель собран как никогда; он полон энергии и готов много писать. Но для начала следовало съездить в Москву, где его ждали архивы и была возможность остаться наедине со своими рукописями. Озадачивало другое: в семье должен был появиться четвёртый ребёнок. А при отсутствии хозяина все заботы по дому и хозяйству лягут на беременную супругу, которая, ко всему прочему, на

---

[3] Опасения А.С. Пушкина оказались небезосновательны. Увидав поэта в гробу в штатском платье, Бенкендорф с возмущением воскликнет: «Почему положили в гроб не в мундире?!»

[4] Вяземский, Пётр Андреевич (1792–1878), князь; камергер. Чиновник канцелярии Н.Н. Новосильцева в Варшаве в 1818–1821 гг., вице-директор Департамента внешней торговли в 1832–1846 гг.; впоследствии товарищ министра народного просвещения. Являлся членом «Арзамаса»; поэт, литературный критик, мемуарист.

всё лето вместе с детьми собралась на пригородную дачу. И он пишет ей каждые два-три дня. Понимая, как её муж страдает без семьи, Наталья Николаевна на каждое полученное тут же отправляет ответное письмо. Когда однажды она повременила с ответом, незамедлительно получила большое послание с упрёком:

«Что это, жёнка? так хорошо было начала и так худо кончила! Ни строчки от тебя; уж не родила ли ты? сегодня день рождения Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нет ли у него нового братца или сестрицы? погоди до моего приезда. А я уж собираюсь к тебе. В Архивах я был, и принужден буду опять в них зарыться месяцев на 6; что тогда с тобою будет? А я тебя с собою, как тебе угодно, уж возьму. Жизнь моя в Москве степенная и порядочная. Сижу дома – вижу только мужеск. пол. Пешком не хожу, не прыгаю – и толстею… Здесь хотят лепить мой бюст. Но я не хочу. Тут арапское мое безобразие предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности; я говорю: У меня дома есть красавица, которую когда-нибудь мы вылепим» [2].

Он вернётся в Петербург глубокой ночью 23 мая. Усталый, в придорожной пыли, улыбающийся. Причиной для радости стало прекрасное известие: в тот день супруга подарила ему дочку…

Ожерелье, подаренное мужем поутру, Наталью Николаевну «привело в восхищение». А сам хозяин семьи в эти дни писал Павлу Нащокину[5] *в Москву: «Дай Бог не сглазить, всё идёт хорошо» [3].*

Хорошей жизни оставалось не так уж много. До середины осени…

* * *

С летом в тот год не повезло. Затяжные дожди с сильным ветром загнали петербуржцев по домам. Погода напоминала октябрьскую; шептались о приближении конца света. Однако для Пушкина непогода была не в тягость. С утра он уединялся в дачном кабинете и с наслаждением работал.

Выход пушкинского «Современника», по мнению Александра Сергеевича, должен был многое изменить. По крайней мере, доходы от издательства журнала позволили бы существенно сбалансировать непосильные расходы по займам, которые значительно возросли. Непогода и постоянное присутствие рядом жены и непоседливых детишек каким-то необъяснимым образом вернули *вдохновение. Поэтому Пушкин много и с удовольствием пишет. Почти забыты выезды в город; семья всё время проводит на даче. Для знакомых и друзей у поэта имеется уважительная причина – траур по матушке; на что он и ссылается, отказываясь от очередного приглашения в гости. Даже день рождения императрицы, пышно отмеченный в Петергофе, обошёлся без присутствия уважаемого поэта. Лишь нечастые гости – Карл Брюллов, князь Пётр Вяземский и парижанин Леве-Веймар…*

Всё это – плохая погода и отсутствие посторонних – Пушкина даже радовало. Он трудился над историческим романом времён пугачёвщины. Даже когда ожили главные герои сочинения, название ему так и не было придумано. Впрочем, подобное автора ничуть не занимало – главное, понимал он, удалась сама суть, сердцевина, раскрывавшая подлинность описываемых событий. В перерывах работы над романом поэт находил отдохновение в стихах; в частности, продолжал «лакировать» «Медного всадника».

---

[5] Нащокин, Павел Воинович (1800–1854). С 1819 года – подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка, с 1821 года – корнет лейб-гвардии Кирасирского Её Императорского Величества полка; с 1823 года в отставке. Был женат на Вере Александровне Нагаевой (1811–1900). Гоголевский прототип Хлобуева, одного из героев второго тома «Мёртвых душ».

23 июля 1836 года в его сочинении, названном «Капитанская дочка», была поставлена последняя точка. Вскоре по Петербургу поползли слухи: Пушкин собирается выпустить новый роман…

Очередной успех окрылил надеждами. Захотелось, уехав с дачи на Каменном острове, вновь очутиться в Михайловском, где, накупив в лавке гусиных перьев, сесть за любимый письменный стол и… писать, писать, писать.

С Михайловским ничего не получилось. Впрочем, как и с написанием нового романа. Подвёл «Современник», который, к досаде, не оправдал надежд. Ожидаемых двух тысяч подписчиков издатели не дождались; две трети нераскупленных экземпляров второго номера журнала недвижимым грузом осталось лежать на складе. Всё просто: поэта Пушкина читатель знал, а вот новый журнал (пусть даже пушкинский) – нет. Кто будет брать кота в мешке? Признание следовало завоевать, а с ним – и читателя. В том и состояла большая ошибка Пушкина, слепо надеявшегося заполучить никак не меньше двадцати пяти тысяч рублей. Отрезвление пришло, когда на горизонте зазияла финансовая яма…

Вновь пришлось лезть в долги. На этот раз выручил некто Соболевский, большой приятель, который, уезжая за границу, оставил Пушкину приготовленное для заклада столовое серебро. В другое бы время Александр Сергеевич от встречи с ростовщиком решительно отказался, но только не в этот раз. Пришлось плестись к ростовщику Кишкину, выдавшему под залог столовой утвари семь тысяч рублей. Мизер, но и такие деньги предоставляли временную передышку…

Всё это очень тревожило. «Передышки» быстро заканчивались. Ещё в феврале он заложил у ростовщика Шишкина кашемировую шаль жены. Наталье Николаевне эта шаль очень нравилась. В ней она выглядела как настоящая русская крестьянка. А те 1250 рублей, полученные от ростовщика, быстро закончились. Через пару месяцев он снесёт Шишкину старинный брегет и серебряный кофейник, оценённые хитрованом в какие-то 650 рублей.

А вот шаль было жалко…

Узнав о провале второго выпуска журнала, Наталья Николаевна решила помочь мужу, потребовав от своего старшего брата, Дмитрия Николаевича Гончарова, полагавшуюся ей долю после смерти деда в виде ежегодного содержания. Однако при жизни мужа она лишь раз получила требуемую сумму в размере 1120 рублей (четверть от годового содержания) [4].

Мытарства с деньгами сводят авторское вдохновение Пушкина почти на нет. Тем не менее 19 октября он заканчивает беловой текст «Капитанской дочки», стоившей ему огромных трудов. Одновременно готовит третий выпуск «Современника», сократив его тираж чуть ли не вдвое, чем удалось значительно сэкономить. В планах было опубликовать «Капитанскую дочку» в четвёртом номере. Роман покорил читателя. Тургенев, Карамзин, Вяземский – все в один голос: превосходно!

Теперь слово было за цензорами, с подачи которых роман мог быть просто-напросто утоплен. Но обошлось. Когда первая часть «Капитанской дочки» попала в руки известного цензора Корсакова, тот оказался буквально покорён прекрасным романом и уже на следующий день прислал автору доброжелательный ответ.

«С каким наслаждением я прочёл его! – писал Пушкину о романе Корсаков. – Не просто прочёл – проглотил его! Нетерпеливо жду последующих глав…»[5]

В середине сентября Пушкины вернулись с дачи в Петербург, поселившись в доме княгини Волконской на Мойке. То спокойное лето на Островах, где семья провела дачный сезон, окажется самым светлым воспоминанием Александра Сергеевича и его супруги на фоне последующих, поистине ужасных и фатальных, событий.

С определённого времени в их жизни появился некто Жорж Геккерен[6]*. Хотя весь светский Петербург знал этого человека как кавалергарда Дантеса…*

* * *

14 февраля 1834 г.

«Определенный на службу по высочайшему приказу, отданному в 8 день сего февраля и объявленному в приказе по Отдельному гвардейскому корпусу 11 числа за № 20, бывший французский королевский воспитанник военного училища Сент-Сир барон Дантес в сей полк корнетом зачисляется в списочное состояние, с записанием в 7-й запасный эскадрон, коего и числить в оном налицо».

Из приказа по Кавалергардскому полку[6]

…Если кто-то считает, что Жорж Шарль Дантес родился с золотой ложкой во рту, то глубоко заблуждается: ложка (пусть и не золотая, а всего лишь посеребрённая) у него появится позже, причём не без участия Фортуны, сопровождавшей этого человека всю жизнь. Фортуна капризна и скупа, но если уж накладывает свою длань на чьё-либо чело, то это чело – исключительно слабака. Ибо сильный пробивает себе путь без всякой помощи – благодаря сильным мышцам, изворотливости ума и хорошей реакции. Ни тем, ни другим, ни даже третьим судьба Дантеса не наделила, за исключением разве смазливой мордашки, которая в его жизни сыграет не последнюю роль.

Родившемуся в многодетной семье барона Жозефа Дантеса, получившего свой титул в смутные времена Бонапарта, поначалу Фортуна не выказывала Жоржу особых знаков внимания. Даже в сен-сирской военной школе он пробыл не более года, на чём всё образование и закончилось. Правда, обучению юноши помешали революционные события 1830 года, но это, в общем-то, не имело никакого значения. Когда же пришло время устраиваться в жизни, понадобились связи досточтимого батюшки.

Школа в Сен-Сире определила будущее Дантеса, которое могло быть связано только с военной службой. Проще всего было поступить в армию прусского короля. Так бы оно и произошло, если б не одно обстоятельство: незаконченное военное образование лишало возможности получить даже низший офицерский чин. Унтер-офицером – пожалуйста; но не выше. Однако в планы честолюбивого барона такая «низость» никак не входила. Пришлось подыскивать лазейки попроще. Тут-то и помогли связи отца.

Выручил наследник – прусский принц Вильгельм, – чьей протекции в отношении Дантеса перед русским императором Николаем Павловичем, с которым принц был в родственных отношениях, оказалось достаточно, чтобы уладить дело с военной службой в кавалергардском Ея Величества полку.

26 января 1834 года в дневнике Пушкина каким-то мистическим образом появляется запись: *«Барон Дантес и маркиз де-Пина, два шуана, будут приняты в гвардию офицерами. Гвардия ропщет» [7].*

Как бы то ни было, принятие Дантеса офицером в русскую гвардию явилось очередной улыбкой судьбы. Незадолго до этого смазливая мордашка француза смутила-таки капризницу Фортуну, которая приготовила для баловня сюрприз в виде голландского посланника Геккерена[7]*.*

---

[6] В некоторых официальных документах написание фамилии иное – «Геккерн».

[7] Геккерен-Беверваард, Якоб Дерк Анне Борхард ван (1791–1884), голландский барон. Его мать – урожденная графиня Нассау. В 1805–1815 гг. служил в военно-морском флоте, позже поступил на дипломатическую службу. Голландский посланник в Петербурге (1826–1837 гг.), посол в Вене (с 1842 г.).

Дантес и Геккерен познакомились в гостинице одного немецкого городка. Юноша лежал в горячке, а дипломат, возвращавшийся из отпуска в Россию, остановился в той же самой гостинице. Вскоре они познакомились, а потом и подружились.

С самого начала эта дружба обещала быть особенного свойства. Долгое время об этом не принято было говорить, тем не менее абсолютно точно известно, что между Геккереном и Дантесом имела место гомосексуальная связь. Именно голландец и предложил молодому французу поехать с ним в Петербург.

Из воспоминаний однополчанина Дантеса князя А.В. Трубецкого[8]:

«За ним водились шалости, но совершенно невинные и свойственные молодежи, кроме одной, о которой, впрочем, мы узнали гораздо позднее. Не знаю, как сказать: он ли жил с Геккерном, или Геккерн жил с ним… В то время в высшем обществе было развито бугрство. Судя по тому, что Дантес постоянно ухаживал за дамами, надо полагать, что в сношениях с Геккерном он играл только пассивную роль. Он был очень красив…»[8]

Ничего удивительного, что после знакомства с голландским посланником никаких препятствий у офицера-недоучки для поступления на русскую военную службу не возникло. (Это ли не происки Фортуны?!) О французе было доложено государю, после чего уже в январе 1834 года (всего через три месяца после прибытия с Геккереном на пароходе в Кронштадт) Дантес был допущен к офицерским экзаменам при Военной академии. Причём с освобождением от экзамена по русской словесности и знанию Устава.

Поразительно! Без всякого образования, без знания языка страны, в которой этот малый собирался служить, и даже Устава армии Дантес не только блестяще «выдержал экзамен», но и был зачислен корнетом в Кавалергардский полк[9].

19 ноября 1836 г.

«Неоднократно поручик барон де Геккерен подвергался выговорам за неисполнение своих обязанностей, за что уже и был несколько раз наряжаем без очереди дежурным при дивизионе; хотя объявлено вчерашнего числа, что я буду сегодня делать репетицию ординарцам, на коей и он должен был находиться, но не менее того… на оную опоздал, за что и делаю ему строжайший выговор и наряжаю дежурным на пять раз».

Из приказа по Кавалергардскому полку [9]

Жорж Дантес был ленив и глуповат. Зато молод, строен и красив. А ещё этот донжуан чертовски здорово отплясывал котильон, полонез и мазурку. Особенно мазурку, эту сводницу распутных сердец.

«Он отдавался танцам с жаром, неким вдохновенным восторгом, – писала Серена Витале. – Он никогда не был одним из тех холодных денди, что лениво переставляют ноги, будто выполняя утомительную работу. Каждый мускул его был напряжен, звук его каблуков четко и громко раздавался на паркетном полу, его ноги грациозно взлетали в антраша. Не был он также и одним из тех “супермодных” типов, которые являлись поздно и исчезали до мазурки – ключевой точки танцев, магического момента любовных свиданий; это был человек, который покидал бальную залу разгоряченным, с покрасневшим лицом и в изнеможении – только после котильона, и даже тогда его хватало на последнюю остроту, последний обжи-

---

[8] Трубецкой, Александр Васильевич (1813–1889), князь; штаб-ротмистр Кавалергардского полка, впоследствии генерал-майор.

[9] По странному стечению обстоятельств, Дантес был освобождён ещё от одного предмета – военного судопроизводства. Кто знает, если бы он имел какое-то понятие о наказании, грозившем ему за дуэльное преступление, возможно, не было бы рокового поединка. Но, главное, Пушкин был бы жив!

гающий взгляд, под воздействием которого веера двигались живее – и с первым лучом рассвета дневники наполнялись отчетами об учащенном стуке сердца и обморочном состоянии» [10].

Этот плут был способен увлечься; но истинное наслаждение ему доставляло обратное – очаровывать; особенно замужних дам. Ведь семейная клетка, как известно, многих страшно тяготит: муж, дети, надоевший домашний халат и ночной чепец… Ах, как всё это далеко от истинной страсти, романтики и рыцарской бесшабашности! И это притом, что где-то там, за пределами ненавистной решётки, кипели страсти, стрелялись на дуэли и… признавались в любви. Как порою хотелось очутиться среди этого разгула, который манил запахом порока – известным искусителем замужних женщин всех сословий.

Когда соблазнителю чуть за двадцать, такой в обществе шуршащих юбок всегда становится кумиром, не увлечься которым способна разве что лишённая сердца. В двадцать четыре в тебя влюбляются все. И не только девицы, но и вполне респектабельные кокотки. Тут, главное, не переиграть и всю благосклонность обернуть исключительно в свою пользу. И пока Дантесу это удавалось. Его «послужному списку» из тех, кто удостоил француза, помимо томного взгляда, более ценным подарком, могли позавидовать самые известные кавалеры Петербурга. Молодые бонвиваны им восхищались, а осанистые главы семейств – откровенно побаивались.

– Дантес, говорят, вы хороши с женщинами, – смеясь, спросил его однажды граф Апраксин.

– Женитесь, граф, тогда и узнаете, – в пику тому ответил француз.

Однако если с женщинами у Дантеса всё обходилось относительно благополучно (не считая венерических болезней, заставлявших раз за разом обращаться к дорогим докторам), то в отношении военной службы дела шли не столь блестяще.

«Дантес, по поступлении в полк, оказался не только весьма слабым по фронту, но и весьма недисциплинированным офицером, – писал биограф Кавалергардского полка. – Таким он оставался в течение всей своей службы в полку: то он “садится в экипаж” после развода, тогда как “вообще из начальников никто не уезжал”, то он на параде, “как только скомандовано было полку вольно, позволил себе курить сигару”; то на линейку бивака, вопреки приказанию офицерам не выходить иначе, как в колетах или сюртуках, выходит в шлафроке, имея шинель в накидку». На учении слишком громко поправляет свой взвод, что, однако, не мешает ему самому «терять дистанцию» и до команды «вольно» сидеть «совершенно распустившись» на седле; «эти упущения Дантес совершает не однажды, но они неоднократно наперед сего замечаемы были» [11].

В январе 1836 года Жорж Дантес получил очередное воинское звание – поручик.

* * *

Князь П.А. Вяземский (из «Старой записной книжки»):

«В 1812 году граф Остерман сказал маркизу Паулуччи, если я не ошибаюсь: “Для вас Россия – мундир: вы надели его, и вы сбросите, когда будете в настроении это сделать. Для меня это – моя кожа”…» [12].

13 мая 1836 года в Кронштадте пришвартовался пароход «Александра», на котором из поездки на родину вернулся Якоб ван Геккерен. На его лице играла улыбка. Голландец радовался отнюдь не весеннему солнцу: в кармане сюртука прибывшего лежали бережно свёрнутые бумаги, удостоверяющие усыновление им французского подданного Жоржа Дантеса,

поручика лейб-гвардии Конного полка. Через неделю голландский посланник во время приватной аудиенции доложит об этом лично императору[10].

С этого времени Дантеса следовало именовать Жорж Шарль де Геккерен…

Летом того года на балах, организуемых на минеральных водах, тон задавала супруга известного поэта, 24-летняя Натали Пушкина. Ею восхищались, ей аплодировали, в неё влюблялись. А ещё – открыто завидовали. Поэтому, когда в окружении замужней дамы появился Дантес, все взгляды так или иначе были направлены именно на них. А вдруг в семье Пушкиных случится адюльтер? Ведь за плечами «белокурой бестии» (так звали за глаза Геккерена-младшего), если верить слухам, было приличное состояние его приёмного отца, а ещё тянулся шлейф скандальных историй, связанных с замужними женщинами. Однако до большого скандала пока не доходило; вероятно, потому, что очередному мужу-рогоносцу, дабы в обществе не показаться смешным, проще было попросту отмахнуться.

Как уже было сказано, Наталья Николаевна была красива и изящна. В шестнадцать она уже разбивала сердца. Настоящую конкуренцию супруге поэта могла составить лишь другая красавица – Саша Алябьева, которой восторгались все, в частности сам Пушкин:

…Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой…

Князь П.А. Вяземский сравнивал красоту Алябьевой avec une beaute classique, а красоту Гончаровой avec une beaute romantique. По мнению князя, Пушкину, первому романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице [13].

Долли Фикельмон[11]*, 25 октября 1831 года:*

«Госпожа Пушкина, жена поэта, здесь впервые явилась в свете; она очень красива, и во всем ее облике есть что-то поэтическое – ее стан великолепен, черты лица правильны, рот изящен и взгляд, хотя и неопределенный, красив; в ее лице есть что-то кроткое и утонченное; я еще не знаю, как она разговаривает, – ведь среди 150 человек вовсе не разговаривают, – но муж говорит, что она умна. Что до него, то он перестает быть поэтом в ее присутствии; мне показалось, что он вчера испытывал все мелкие ощущения, всё возбуждение и волнение, какие чувствует муж, желающий, чтобы его жена имела успех в свете» [14].

Из воспоминаний графа В.А. Соллогуба[12]:

«Много видел я на своем веку красивых женщин, много встречал женщин еще обаятельнее Пушкиной, но никогда не видывал я женщины, которая соединяла бы в себе такую законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая; с баснословно тонкой талией, при роскошно развитых плечах и груди, ее маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее; такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более, а кожа, глаза, зубы, уши! Да, это была настоящая красавица, и недаром все остальные, даже из самых прелестных женщин, меркли как-то при ее появле-

---

[10] Отношения между Голландией и Российской империей при Николае I были на пике дружбы. Этому в немалой степени способствовал тот факт, что женой принца Вильгельма Оранского являлась сестра Николая – Анна Павловна, будущая королева Нидерландов.

[11] Фикельмон, Доротея (Дарья Фёдоровна, Долли, ур. графиня Тизенгаузен, 1804–1863); дочь Е.М. Хитрово. В 1821 году вышла замуж за Карла Людвига фон Фикельмона, австрийского посланника в Петербурге в 1829–1839 годах.

[12] Соллогуб, Владимир Александрович (1813–1882), граф, писатель. Учился в Дерптском университете вместе с братьями Карамзиными. С 1835 года – чиновник по особым поручениям при Министерстве иностранных дел.

ний. На вид она была сдержанна до холодности и мало вообще говорила. В Петербурге… она бывала постоянно и в большом свете, и при дворе, но её женщины находили несколько странной. Я с первого же раза без памяти в нее влюбился; надо сказать, что тогда не было почти ни одного юноши в Петербурге, который бы тайно не вздыхал по Пушкиной; ее лучезарная красота рядом с этим магическим именем всем кружила головы; я знал очень многих молодых людей, которые серьезно были уверены, что влюблены в Пушкину, не только вовсе с нею незнакомых, но чуть ли никогда собственно ее даже не видевших» [15].

Чем не королева красоты?..

* * *

…В конце лета Императорская гвардия (Кавалергардский полк) разместилась в Новой Деревне. Вслед за этим начались долгожданные балы, в частности – в здании минеральных вод близ каменноостровских дач. Там любила бывать императрица Александра Фёдоровна, поэтому быть приглашённым на бал на минеральных водах почиталось за честь.

К тому времени супруга Пушкина Наталья Николаевна, отойдя от родов, заметно похорошела, если не сказать больше – расцвела. Среди тех, кто восхищался красотой и изяществом замужней дамы, был и Жорж Дантес. Впрочем, к осени 1836 года этот молодой повеса – уже даже и не Дантес, а барон Геккерен – приёмный сын голландского посланника Якоба Геккерена де Беверваарда, или Геккерена-старшего. (Геккеренам, как понимаем, таким образом было легче скрывать свою гомосексуальную связь.)

У Дантеса-Геккерена имелась одна отличительная особенность, приводившая в замешательство даже искушённых в интригах кокоток, не говоря уж о девицах. Наглец по натуре, он обожал смущать дам, устремляя свой пристальный, немигающий взгляд на ту, которая удостаивалась его внимания. В такие минуты (чаще – секунды) в пронзительном взгляде француза читались даже не любовь или признание – в нём был *вызов. По сути, ожидание единственного ответа: «да!». Поэтому заглядевшиеся на красавца девицы тут же смущались; а вот дамы поопытнее намёк схватывали на лету, мечтая лишь о том, чтобы кавалер пригласил их на мазурку…*

Мазурка являлась венцом всех балов. Во-первых, существовало негласное правило, согласно которому на этот танец кавалер приглашал наиболее приглянувшуюся ему даму. А во-вторых, во время этого быстрого и озорного танца можно было незаметно для окружающих договориться о тайном свидании, передать записку приватного свойства и, наконец, даже щекотнуть нежную шейку избранницы щёткой усов. Ничего удивительного, что мазурку обожали все, за исключением, пожалуй, ревнивых мужей (как правило, из старых холостяков), хорошо понимавших, что к чему.

* * *

Итак, с некоторых пор Дантес-Геккерен решил приударить за Пушкиной. Пусть и красавица – зато невелика птица, жена какого-то камер-юнкера, ха-ха. Подумаешь, невидаль – знавали и познатней…

Князь А.В. Трубецкой: *«Он был очень красив… И постоянный успех в дамском обществе избаловал его: он относился к дамам вообще как иностранец, смелее, развязнее, чем мы, русские, и, как избалованный ими, требовательнее, если хотите, нахальнее, наглее, чем даже было принято в нашем обществе» [16].*

По отзыву другого современника, «Дантес возымел великий успех в обществе; дамы вырывали его одна у другой» [17].

Отныне, где бы ни появлялись Пушкины, там обязательно возникала долговязая фигура Дантеса. Искушённый в любви и ревнивый по натуре, Александр Сергеевич быстро заприметил «пронзительный взгляд шаромыжника», направленный в сторону его жены. Однако поначалу ничто не предвещало беды. Мало ли, влюбчивый «вьюнош» оказался очарован Натали – дело привычное, не впервой. Финал предсказуем: знавшая себе цену Наталья Николаевна способна легко отвести грозу от семьи. Кто-кто, а Пушкин это прекрасно знал, поэтому в супруге был уверен, как в самом себе… Тьфу-тьфу, конечно, не как в самом себе, ибо если так, то… Словом, был уверен, как в усопшей матушке… Потому-то первое время ухаживания французика воспринимались им исключительно как забава и игра.

И всё-таки поэт сильно ревновал. И в этом не было ничего удивительного – ведь он был старше жены на целых тринадцать лет! Не так много, в сравнении, скажем, с прочими супружескими парами, где разница доходила и до трёх десятков лет, но всё же. Не очень-то хотелось, чтоб вслед тебе неслось страшное: «рогоносец».

Пушкин всегда чуть-чуть комплексовал. Даже тогда, когда сердце первой московской красавицы стало принадлежать ему – маленькому и некрасивому. Если верить воспоминаниям современников, поэт не любил стоять рядом со своей женой, говоря, что это для него «унизительно». Красота и молодость Наташи, а также её успех в свете, несомненно, беспокоили супруга.

И здравый смысл подсказывал: рано или поздно жена могла ошибиться. Каково это, имея маленького, неимпозантного вида мужа-«старика», повелевать сонмом молодых красавчиков и при этом сохранять незапятнанной собственную репутацию?.. Ведь одного благосклонного взгляда достаточно, чтобы поползла молва…

О, молва! Эта болтливая старуха, предвестник телеграфа, разбила сотни сердец, ещё больше – семей… Не бойся пистолета – бойся молвы! И если верить этой самой молве, Натали в глазах общества была не столь уж безупречной. Однако Пушкин супругу понимал, ибо и сам, бывало, ошибался. Главное, твердил он в письмах, не делать опасных шагов… А если и кокетничать, то… аккуратно.

Из писем Пушкина жене: «Ты кругом виновата… кокетничаешь со всем дипломатическим корпусом»… «Смотри, жёнка! Того и гляди, избалуешься без меня, забудешься без меня, забудешь меня – искокетничаешься»… «Не стращай меня, жёнка, не говори, что ты искокетничалась»… «Не кокетничай с Соболевским»… «Не стращай меня… не кокетничай с царём, ни с женихом княжны Любы»…[18]

Кокетничай, говорит Пушкин жене, но требую от тебя, помимо холодности, быть «благопристойною и важною». Именно эти качества, по мнению поэта, наиболее достойны хорошей и преданной супруги.

А вот ещё: «Ты кажется, не путём искокетничалась. Смотри: не даром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нём толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкою, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхав тебе заднищу; есть чему радоваться. Не только тебе, но и Прасковье Петровне легко приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что-де я большая охотница. Вот вся тайна кокетства» [19].

Как видим, главным для Пушкина в жене являлось присутствие бдительности при наличии некой комильфонтности – умения соответствовать вкусам и правилам приличия в обществе. И это у Натальи Николаевны неплохо получалось.

Правда, до поры до времени. Пока судьба не бросила к её ногам Дантеса…

Пушкин впервые увидел Натали в 1828 году в Москве. Как-то так получилось, что на балу у танцмейстера Иогеля очутились он и она. Первое впечатление поэта: Гончарова напоминала какую-то заводную куклу – прекрасную и почти неземную.

Чуть позже он добился согласия Гончаровой стать его женой. Во время венчания внезапно потухла свеча. А ещё – упали крест и обручальное кольцо. Пушкин похолодел, потом негромко произнёс:

– Плохое предзнаменование…

Об этом он будет долго вспоминать. Но твёрдо знал одно: свой выбор сделал правильно. И в который раз любовался своей Натали, которую про себя называл Татьяной Лариной…

* * *

Князь П.А. Вяземский (из «Старой записной книжки»):

«Александр Булгаков рассказывал, что в молодости, когда он служил в Неаполе, один англичанин спросил его: "Есть ли глупые люди в России?" Несколько озадаченный таким вопросом, он отвечал: "Вероятно, есть, и не менее, полагаю, нежели в Англии". – "Не в том дело, – возразил англичанин, – вы меня, кажется, не поняли: мне хотелось узнать, почему правительство ваше употребляет на службу чужеземных глупцов, когда имеет своих?"

Вопрос, во всяком случае, не лестный для того, кто занимал посланническое место в Неаполе» [20].

«Коллекционировать» женщин Жорж Дантес начал давно. Так давно, что успел запамятовать, с чего всё началось. Но однозначно с бутылки бургундского и ночи в грязном борделе. А потом пошло-поехало: гувернантки, гризетки, madame, mademoiselle… И… monsieur. Дитя наполеоновских войн, он оказался на развилке Истории, где благодетель и разврат гуляли под руку. Вольные нравы Сен-Сира существенно подпортили характер Жоржа. Густые бачки, светлые вьющиеся волосы и красивые серые глаза влекли к нему женщин, как ос на патоку. Завзятый рассказчик и балагур, этот красавчик умел нравиться. И был избалован прекрасной половиной почти «до изнеможения».

Однако всякая медаль, как известно, имеет две стороны; парадный фасад – чёрный ход, а каждый шкаф – свои скелеты. У Дантеса «скелетов» было два. Во-первых, со своим приёмным отцом, как было сказано, его связывала плотская любовная связь. Ну а во-вторых, этот отчаянный гуляка был серьёзно болен. Дантес, как шептались, страдал болезнью, которая плохо поддавалась лечению. По крайней мере, Пушкин ничуть не сомневался, что донжуан поражён «болезнью любви». Деньги приёмного отца помогали проводить дорогостоящее лечение. Влиятельный Геккерен пресекал все пересуды о своём сыне, поэтому говорить о болезни Дантеса открыто было не принято. Однако Александр Сергеевич, будучи уверенным, что у его врага lues, в выражениях не стеснялся.

Хроническое заболевание раз за разом обострялось. Болезнь протекала тяжело, с высокой температурой и упадком сил, укладывая бедолагу на неделю-другую в постель. Так приходилось расплачиваться за геройство. Зато когда приступы благодаря вмешательству докторов отступали, кавалергард вновь, что называется, обретал себя, встречался с друзьями и подругами, появлялся в свете, заводил интрижки и, разумеется, новые романы…

Заболевание, которым страдал любвеобильный француз, оказалось слишком коварным, чтобы на него не обращать внимания. Сжигая организм изнутри, оно делало его настолько слабым, что француз практически лишался какой-либо защиты противостоять любой простуде. Насморк и кашель стали постоянными спутниками Дантеса. Но однажды, пройдясь на коварном невском ветру, он подхватил ещё одну страшную болезнь – плеврит. Кризис, правда, быстро миновал, однако очаг приобрёл хроническую форму. После этого стало окончательно ясно, что здоровье молодого француза серьёзно подорвано. Было время, когда его активная жизнь проходила от приступа до приступа, от обострения к обострению…

Из письма Ж. Дантеса Якобу ван Геккерену, декабрь 1835 года:

«Теперь, благодарение Богу, я совсем не страдаю. Да, я закутан во фланель, как женщина, выздоравливающая после родов, но в этом есть двойное преимущество сохранения тепла и заполнения пространства под одеждой, которая висит на мне как мешок из-за того, что я так страшно похудел. В этом письме я предлагаю тебе отчет о моей теперешней жизни: я каждый день ем дома, мой слуга договорился с поваром Панина, и мне присылают очень хорошие и обильные обеды и ужины за шесть рублей в день, и я уверен, что смена поваров идет мне на пользу, поскольку боли в желудке почти совершенно исчезли» [21].

За своё легкомыслие приходилось жестоко расплачиваться. Рано или поздно наступает время собирать камни…

* * *

Как было сказано, последней страстью Дантеса стала замужняя дама Натали Пушкина. Сам Александр Сергеевич к этому времени превратился в маститого, известного как в стране, так и за её пределами писателя и поэта. Под одной крышей сошлись Ум и Красота, Вулкан и Венера. Для стороннего наблюдателя семья Пушкиных являла собой образчик идеального брака – сочетание воздушного с плотским; хотя на самом деле чета, растившая четверых детей, переживала самый что ни на есть *семейный кризис. Уму очень не хватало душевной широты, интеллигентности; Красоте – публичности.*

Долли Фикельмон, сентябрь 1832 года:

«Госпожа Пушкина, жена поэта, пользуется самым большим успехом, невозможно ни быть прекраснее, ни иметь более поэтическую внешность, а между тем, у нее не много ума и даже, кажется, мало воображения» [22].

В какой-то момент супругам стало тесно. Вместо того чтобы полностью отдать себя Музе и Пегасу, поэт вынужден был раз за разом всё откладывать «на потом», чтобы обеспечить безбедное существование семьи и «достойное» появление очаровательной жены на очередном великосветском балу. Сама же Натали, как она считала, буквально задыхалась от «семейного быта». Она «жила от бала до бала»; ведь только там можно было показать себя во всей красе. В двадцать с небольшим есть что показать: блеск глаз, румянец щёк, пухлость губ и нежность кожи. О, как этих бессловесных свидетелей молодости и счастья не хватает потом, когда тебе, о ужас, за тридцать пять…

Судя по всему, на этот раз Дантес увлёкся по-настоящему. Если же верить его переписке с приёмным отцом, так оно и было. Завоевать сердце красавицы стало вожделенной мечтой француза.

Но для начала следовало войти в ближний круг Пушкиных. Несложная, на первый взгляд, задача имела одно отягчающее обстоятельство, имя которому – муж. Для любовника (пусть даже будущего) супруг обожаемой им женщины – всегда препятствие, своего рода букашка в глазу, а то и шмель на носу. Когда как – многое зависит от везения. В любом случае, самое лучшее – оказаться «другом семьи», которого все знают, любят, доверяют и даже прислушиваются к советам. Оказаться «своим» – для любовника всегда большая удача, потому как совсем рядышком, буквально за спиной муженька-рогоносца, можно вытворять что угодно…

Дантес был везунчиком и начал с того, что без всякой стыдливости (и даже осторожности) стал ухаживать за Натали. Кто знает, возможно, им двигали самые возвышенные чувства (сильное увлечение? любовь?). По крайней мере, так заставляют думать его письма барону Геккерену-старшему: «…Я безумно влюблен! Да, безумно, так как я не знаю, как быть; я тебе ее не назову, потому что письмо может затеряться, но вспомни самое прелестное

создание в Петербурге, и ты будешь знать ее имя. Но всего ужаснее в моем положении то, что она тоже любит меня и мы не можем видеться до сих пор, так как муж бешено ревнив…»[23]

Хочется верить, Дантес был охвачен подлинной страстью. Однако следует оговориться: эти строки написаны им в январе 1836 года, когда «даму сердца» наблюдал лишь со стороны – по сути, даже не будучи хорошо с ней знаком. «Это жеманница», – скажет он как-то Соллогубу, намекнув, что подобные женщины «манят, но не дарят». Несомненно одно: Натали Пушкина Дантесу очень нравилась.

И снова бал; и снова – танцы! Главное, понимал француз, заручиться у дамы мазуркой. А уж та способна творить чудеса…

Но было ещё одно. В высшем обществе неизвестному иностранцу не так просто достигнуть определённого положения и тем более какой бы то ни было известности. Лишь женитьба на девице знатного рода или вхождение в определённый круг знакомых (например, масонов) могло существенно облегчить эту задачу. Однако Дантес решил распахнуть двери светского общества иным путём – единственным, на который он был способен. Громкий роман с женой известного поэта, пожалуй, мог сделать его имя более значимым – по крайней мере, среди так называемой «золотой» молодёжи. В любом случае, выбрав цель, отступать было поздно: его ухаживания за Натальей Николаевной уже успели привлечь всеобщее внимание. По городу поползли компрометирующие чету Пушкиных слухи…

Вот что при возвращении с очередного бала в феврале 1836 года писала в дневнике фрейлина императрицы Мари Мердер[13]:

«В толпе я заметила д'Антеса, но он меня не видел. Возможно, впрочем, что просто ему было не до того. Мне показалось, что глаза его выражали тревогу, – он искал кого-то взглядом и, внезапно устремившийся к одной из дверей, исчез в соседней зале. Через минуту он появился вновь, но уже под руку с г-жою Пушкиной. До моего слуха долетело:

– Уехать – думаете ли вы об этом – я этому не верю – вы этого не намеревались сделать…

Выражение, с которым произнесены эти слова, не оставляло сомнения насчет правильности наблюдений, сделанных мною ранее, – они безумно влюблены друг в друга! Пробыв на балу не более получаса, мы направились к выходу. Барон танцевал мазурку с г-жою Пушкиной. Как счастливы они казались в эту минуту…» [24]

Однако близкие к семье Пушкиных люди воспринимали ухаживания француза не иначе, как волокитство, с её же стороны – нескрываемое кокетство…

Из воспоминаний Н.М. Смирнова[14] *(дипломата, мужа «черноокой» А.О. Россет) о Дантесе:*

«Он страстно влюбился в госпожу Пушкину… Наталья Николаевна, быть может, немного тронутая сим новым обожанием (невзирая на то, что искренне любила своего мужа до такой степени, что даже была очень ревнива) …или из неосторожного кокетства, принимала волокитство Дантеса с удовольствием…»[25]

Так это было взаимное влечение?..

И всё же Наталья Николаевна ответила французу отказом. Мазурка мазуркой, но супружеский долг превыше всего.

---

[13] Мердер, Мария Карловна (1815–1870), фрейлина императрицы Александры Фёдоровны. Дочь Карла Карловича Мердера (1788–1834), наставника наследника престола Александра Николаевича.

[14] Смирнов, Николай Михайлович (1808–1870); камер-юнкер, чиновник Министерства иностранных дел. С 1835 по 1837 г. служил при русской миссии в Берлине. Был женат на Смирновой Александре Осиповне (ур. Россет, 1809–1882), фрейлине императрицы Александры Фёдоровны.

Весной 1836 года встречи Дантеса и Пушкиной, по сути, сведены на нет; причём по причине вполне банальной: Натали была беременна. Однако француз времени зря не терял – тот самый случай, закрой дверь – полезет в окна. Заведя знакомство с молодёжью из так называемого карамзинского кружка (Карамзин, Вяземский, Соллогуб и пр.), Дантес стал завсегдатаем и частым гостем близких друзей поэта – там, где чета Пушкиных бывала чаще всего.

Тем не менее вплоть до осени на любовном фронте Дантеса наступило относительное затишье…

* * *

Князь П.А. Вяземский (из «Старой записной книжки»):

«В Москве до 1812 г. не был еще известен обычай разносить перед ужином в чашках бульон, который с французского слова называли consommé[15]*. На вечере у Василия Львовича Пушкина, который любил всегда хвастаться нововведениями, разносили гостям такой бульон, по обычаю, который он, вероятно, вывез из Петербурга или из Парижа. Дмитриев*[16] *отказался от него. Василий Львович подбегает к нему и говорит: "Иван Иванович, да ведь это consomme". – "Знаю, – отвечает Дмитриев с некоторою досадою, – что это не ромашка, а все-таки пить не хочу"…» [26]*

Любовное затишье предполагает задуматься над суетностью бытия. Задумаемся и мы – например, над тем, был ли искренен Дантес? Да и вообще, любил ли он Натали?

Лично для меня ответ давно ясен: не любил. Француз просто-напросто открыто волочился. Его целью было добиться этой женщины любой ценой! Хотя бы для того, чтобы похвастаться перед друзьями-приятелями крупной победой – и только. А репутация женщины и всё остальное – это Дантеса ничуть не волновало.

Любила ли Наталья Николаевна Дантеса? Вот здесь сложнее. Скорее, обаятельный французик ей нравился; если хотите, импонировал. Будем справедливы, помимо детей и мужа, эта женщина, пожалуй, обожала только себя; особенно когда блистала на балах. Впрочем, она выказывала кавалергарду знаки внимания – кокетство доставляло ей истинное удовольствие. Им обоим нравилось флиртовать друг с другом, не больше. А вот интимной близости быть не могло: всем было известно, что Натали находилась в «интересном» положении…

Волокитство споткнулось о Кокетство. В этом – Формула несостоявшегося романа между Дантесом и Натальей Пушкиной. Правда, цена этого мифического романа оказалась слишком высокой: не будь его, Россия не понесла бы столь невосполнимую утрату…

Натали не сразу поняла, что француз вёл двойную игру. У Дантеса имелась ещё одна тайна, которую он от всех тщательно скрывал. Волочась за замужней дамой, ловелас в то же время вынашивал планы иного свойства – он намеревался жениться. Нет, не на Пушкиной, с её ревнивым мужем и детьми! Признаваясь в любви к одной, он мечтал жениться на невинной девушке из высокородного семейства. И в этом был весь Жорж Дантес…

Имя девицы, вокруг которой увивался Геккерен-младший, молоденькая фрейлина Двора княжна Мария Барятинская. Её матушка, княгиня Мария Фёдоровна Барятинская (ур. графиня фон Келлер), была близка к императрице Александре Фёдоровне, а брат, А.И. Барятинский, в описываемое время являлся адъютантом наследника престола и его ближайшим

---

[15] Consommé (фр. Con-sommer – долго варить) – крепкий, сильно уваренный осветленный мясной (куриный или говяжий) бульон.

[16] Дмитриев, Иван Иванович (1760–1837); поэт, баснописец, государственный деятель, член Российской академии наук. Дальний родственник Н.М. Карамзина; был близок с Г. Державиным и Д. Фонвизиным. Способствовал поступлению юного Пушкина в Царскосельский лицей. В 1810–1814 гг. – министр юстиции.

товарищем[17]*. Княжна Мари, хотя и не блистала безупречной красотой, какой славилась Пушкина, зато была молода (на шесть лет младше Натальи Николаевны), знатна, богата, перспективна и умна. А ещё отличалась непомерным тщеславием, по причине чего не собиралась замуж абы за кого.*

И всё же Дантесу удалось Мари пленить. Сначала он захаживал в семью как товарищ её брата, поручика Кавалергардского полка князя Александра Барятинского, потом – уже ради самой девицы. На балах красавец выделывал такие «па» и так мило шутил, что не заметить его было просто невозможно. И княжна увлеклась. Её дневниковые записи первой половины 1836 года буквально испещрены именем Дантеса. Они же (записи) подтверждают, что француз был вхож в дом Барятинских и даже пользовался неким покровительством самой княгини. Известно, что с 23 по 30 марта 1836 года Дантес четырежды побывал у Барятинских! К слову, грозная княгиня незадолго до этого дала от ворот поворот другому кавалергарду – князю Трубецкому: лишь за то, что его матушка, видите ли, была сомнительного происхождения… Зато «тёмная лошадка» в лице приёмного сына голландского посланника не смущала вовсе. (Откуда привередливой княгине было знать о скрытых от людских глаз пороках француза?)

Из записей Мари Барятинской, 24 июня 1836 года: «Танцевали. Я веселилась. Вальс с Дантесом, но не мазурка…» [27]

Мазурку с Дантесом Мари станцует месяцем позже – на балу в Ропше. Тогда же князь Трубецкой пригласит Барятинскую на первую кадриль…

3 августа 1836 года: «[Дантес] немного за мной ухаживал и сказал мне, что я была очень мила… Дантес с Геккерном меня очень смешили» [28].

Записи Мари подтверждают, что с какого-то времени к Барятинским зачастил сам посланник, поощрявший ухаживания приёмного сына.

Перелом в отношениях произошёл в последний июльский день 1836 года. Именно тогда на балу в Красном Селе впервые после многомесячного перерыва появилась… Да, вы угадали: Натали Пушкина. И запись в дневнике Барятинской весьма лаконична: «Я не очень веселилась на балу…» [29]

После того как в начале августа Кавалергардский полк расположился в Новой Деревне, летние балы стали давать на Островах, куда вслед за императрицей съезжалась вся столичная знать. Интересно, что именно с этого периода резко меняется интонация дневниковых записей Мари Барятинской. Написанные в порыве гнева, целые предложения оказались тщательно зачёркнуты; под густым слоем чернил сокрыта тайна девичьих страданий. Характерна запись от 17 августа, где княжна Мари, описывая бал в Павлине, после фразы «вначале я веселилась…» зачеркнула несколько строк; чуть ниже она зачеркивала уже целыми страницами… Несмотря на то что все нашли её «очень красивой», бал явно не задался.

Что-то случилось, какое-то коренное изменение в отношениях с французом. Нетрудно догадаться, кто явился причиной разрыва…

Тем не менее Дантес делает вид, что ничего не произошло, и продолжает наносить Барятинским визиты. Когда он вдруг замечает холодность со стороны Мари и всего семейства, в бой вступает тяжёлая артиллерия в лице Геккерена-старшего. В сентябре «старик»

---

[17] Речь об Александре Ивановиче Барятинском (1815–1879), будущем генерал-фельдмаршале. С 1856 года являлся главнокомандующим войсками Отдельного Кавказского корпуса и наместником императора Александра II на Кавказе; руководил завоеванием Западного Кавказа и подавлением национально-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа. Именно под его руководством русские войска сломили сопротивление частей Шамиля, пленив его в 1859 году и, таким образом, закончив многолетнюю войну на Кавказе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.